

Николай Леонардович Янчевский

**Гражданская борьба на Северном Кавказе
Н. Л. Янчевский**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я66

Я66 **Янчевский Н.**
Гражданская борьба на Северном Кавказе Н. Л. Янчевский: Том 2 / Николай Леонардович Янчевский – М.: Книга по Требованию, 2025. – 161 с.

ISBN 978-5-521-39784-6

ISBN 978-5-521-39784-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В состав Советов Народных Комиссаров вошли большевики, максималисты и даже два меньшевика (вопреки постановлениям своей организации), которые, впрочем, вскоре покинули Совет. Председателем Губернского Исполнительного Комитета был избран максималист Мещеряков, председателем Совета Народных Комиссаров—Пономарев (большевик), военным комиссаром Анисимов (большевик), комиссаром продовольствия—Мацкевич (большевик), комиссаром финансов—Ратнер (меньшевик), комиссаром по земельной реформе—Гладков (меньшевик), комиссаром юстиции—Тесленко, путей сообщения—Петров.

Губернский Совет был избран в составе—180 человек: 130 от крестьян, 30 от солдат, и 20 от рабочих. Из Губернского Совета был выделен Губисполком в составе 30 человек, а из последнего—Совет Народных Комиссаров.

Первой задачей новой власти явился захват правительственных учреждений и банков. 3—16 января была конфискована кадетская газета „Северо-Кавказский Край“, против чего протестовала городская дума. В этот же день были заняты банки, затем губернская земская управа, продовольственный комитет и другие учреждения. Городская дума продолжала существовать, и, протестуя против контроля над банками, даже пригрозила Совету, что, за недостатком средств, она остановит электростанцию и водопровод. Городскую управу поддерживали городские районные попечительства и профсоюзы. Вместе с ними городская управа организовала „коалиционный совет“, боровшийся с Советом организацией забастовок, воззваниями и т. д. Так, 3—16-го января в знак протеста, забастовали служащие почты, телеграфа и правительственные учреждения, бастовавшие до 9—22-го января. Сопrotивление городской управы продолжалось до 25-го марта, когда управление города было передано временному Совету.

Как была организована Советская власть в этой сплошь крестьянской губернии?

„Избранием правительства в губернский исполнительный комитет Городской Совет Рабочих и Солдатских Депутатов почти заканчивал свое политическое существование—читаем мы в воспоминаниях т. Пономарева,—Губернские Советские Органы брали на себя общее регулирование жизни губернии, а след., и разрешение всех вопросов рабочей и крестьянской жизни. Все лучшие силы Городского Совета были втянуты губернским исполнительным комитетом“. (Восп. Пономарева. Рукопись).

Несмотря на подавляющее большинство крестьянства, крестьяне согласились, чтобы из 30-ти членов Исполнительного Комитета 18 были избраны от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и лишь 12 от „крестьянской курии“.

Совет Народных Комиссаров привлек к строительству Советской власти широкую массу крестьянства. В январе состоялись Народные Съезды, по одному представителю на 5000 человек населения, на которых были избраны Советы Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов.

По земельному вопросу в своем воззвании от 11 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров передал помещичьи, кабинетские, церковные, частновладельческие (отрубные) и прочие земли со всем живым и мертвым инвентарем в ведение и распоряжение сельских и уездных земельных комитетов, которым было предложено немедленно принять на учет земли и имущество для распределения по трудовой норме.

Вальцово-мукомольные мельницы, маслобойные заводы, круподерки и другие промышленные заведения были переданы в распоряжение сельских обществ тех сел, где они находятся, при чем обслуживание вальцовых мельниц, маслобойных заводов и круподерок было предоставлено в распоряжение самого общества.

Началась борьба за землю, сопровождавшаяся кулацкими восстаниями (в г. Св. Кресте 20 апреля, под предводительством Кузнецова, в селе Левокурском, Урожайном и других). Однако, крестьянство вооруженной силой подавляло эти восстания.

Экономическая политика Ставропольского Совета Народных Комиссаров была очень осторожна. Банки не были национализированы, над ними лишь был установлен контроль. Что касается промышленности (в Ставропольской губернии наиболее развито мельничное производство), то мельницы, круподерки, маслобойные заводы перешли в ведение местных Советов. Советом Народных Комиссаров, были приняты меры к улучшению положения рабочих и изданы правила, регулирующие отношения предпринимателей и рабочих. Совет Народных Комиссаров не прибегал к контрибуциям, не муниципализировал домов, что послужило поводом к обвинению председателя Совнаркоматов. Пономарева в „правизне“ и повлекло за собой стихийный взрыв, которым воспользовались авантюристы.

В продовольственной области Совет Народных Комиссаров не встречал особенных затруднений, так как в губернии имелся запас зерна в 25-30 мил. пудов. Здесь довольно успешно заготавлился хлеб для Москвы и Закавказья. 13—26 февраля Губернский Совет Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов постановил взять на учет предметы сельского и городского производства и объявил излишки „собственностью всего трудового народа губернии“.

В соответствующем постановлении Совета говорится: „Продовольственное дело должно разрешить следующие задачи: а) взятие на учет и равномерное распределение постепенно всех предметов производства в губернии как по сельскому хозяйству (хлеб, мясо, продукты, молочное хозяйство и т. д.), так и по промышленному; б) об исчислении распределения всех предметов, поступающих в губернию; организация одного губернского оптовика; централизация отдела снабжения, организация единых общественных распределителей на местах“. Предполагалось ввести в первую очередь хлебную и кожевенную монополии и заменить частную торговлю общественными лавками, но развивавшиеся военные события помешали осуществить эту программу.

Несмотря на оторванность от центра, Советская власть Ставрополя, правда, довольно робко, приступила к реорганизации юстиции. Была введена выборность судей, упрощено судопроизводство, организованы местные суды, был издан декрет о гражданском браке, а также учреждены революционные трибуналы.

8—21 февраля состоялся 2-й Съезд Советов, который главное внимание уделил вопросам организации и укреплению власти. Съезд Советов, несмотря на протесты меньшевиков и эсеров, продолжил полномочия Совнаркома. Однако, очень немного удалось осуществить: в Медвеженском уезде вставал фронт. Бежавшая из Ростова Добровольческая армия, спасаясь с Дона на Кубань, покатила по Ставропольской губернии, заставляя крестьян взяться за оружие. Для борьбы с белогвардейцами в Медвеженском уезде за короткое время было собрано до 5000 человек крестьян. Надо сказать, что ставропольский Совнарком пользовался полной поддержкой крестьянства, ему удалось положить начало крестьянской армии.

В апреле левые эсеры, во главе с председателем исполкома Мещеряковым, в союзе с „левыми“ большевиками при участии некоего Коппе, который был прислан из Москвы для организации Красной армии организовали заговор.

Создав Временный Революционный Комитет, они в ночь с 28-го на 29-е апреля (с 11 на 12-е мая) арестовали наиболее деятельных комиссаров: Пономарева, Петрова, Медведева и военкома Мирошникова. По настоянию губисполкома, революционный комитет был распущен, а арестованные освобождены.

Избранная для расследования чрезвычайная следственная комиссия нашла, что „причиной событий 29-го апреля является политика Пономарева, не считавшегося ни с мнением Совета и партии, ни с насущнейшими требованиями рабочих и солдатских масс, и тем самым подрывая ее доверие не только к себе, но и к Советской власти вообще“. На основании этого комиссия нашла необходимым отстранение Пономарева от занимаемых должностей и ответственнй советской работы.

Для ликвидации этого события 9—22 мая был созван 3-й по счету Чрезвычайный С'езд Советов. Против председателя Совета Народных Комиссаров Пономарева выдвигалось обвинение в том, что он вел слишком „правую“ политику: противился созданию Красной армии, не национализировал банков, не обложил контрибуцией буржуазию и т. д. В отношении Мещерякова и других следственная комиссия вынесла довольно уклончивую резолюцию, по смыслу которой они не имели желаний свергнуть Советскую власть. С'езд постановил передать всю полноту власти губернскому исполнительному комитету, поставив под его контроль Совет Народных Комиссаров.

Несмотря на то, что Чрезвычайный С'езд Советов не только оправдал Пономарева и других комиссаров, арестованных Мещеряковым, но даже почти единогласно избрал тов. Пономарева членом губисполкома,—руководители Красной армии (Коппе и другие), потребовали исключения Пономарева из членов губисполкома. Председателем губернского исполнительного комитета был избран Дейнеко, а членами президиума: военный комиссар Петров, Морозов и другие. Пономарев бежал из Ставрополя. В новом губисполкоме из 60-ти человек были лишь 11 большевиков (3 от рабочих, 3 от партии и 5 от крестьян).

Новый губисполком главное внимание уделил борьбе с контрреволюцией. Для борьбы с белогвардейцами была объявлена мобилизация, но она не удалась. Когда же ставропольские крестьяне взялись за оружие, то было уже поздно.

Между тем, примазавшиеся к Красной гвардии деклассированные и преступные элементы, во главе с Коппе, позорили Советскую власть, а белогвардейцы готовили восстание и выступили 27-го июня. В Ставрополе стихийно вспыхнул массовый террор.

В дальнейшем Ставропольская губерния превращается в плацдарм гражданской войны, в июле белые заняли Ставрополь. Перед отступлением красных войск в Астраханские степи, были выбиты 14-27 октября частями Таманской армии, но не надолго: 15 ноября белые снова заняли Ставрополь. Окончательно Ставропольская губерния была оставлена красными войсками в 20-х числах января 1919 года.

С оставлением Ставрополя, губисполком продолжал существовать, при чем главное внимание было сосредоточено на вооруженной борьбе с белогвардейцами. После оставления Ставрополя в Благода-

ренском и других уездах были организованы „военные совещания“, и к сентябрю 1919 года состав Красной армии был доведен до 30.000 человек.

В Черноморской губернии, где власть Советов была взята „под расписку“, мирным путем, была провозглашена Черноморская республика, об'единившаяся в июне 1918 года с Кубанью, под названием Кубано-Черноморской республики.

О возникновении Черноморской республики и ее ликвидации рассказывает Э. Лехно („Путь Коммунизма“, книга 3-я, Краснодар, 1922 г., стр. 115), в общем верно передающий простоту возникновения и исчезновения „государств“ того времени.

„В начале марта 18-го года бывшая Черноморская губерния была в сильном возбуждении, пишет он, в городах происходило завоевание, правда, почти мирное, власти, ее внедрение и укрепление, изыскивались формы об'единения, улаживался вопрос с демобилизованными войсками Кавказской армии, потоком двигавшейся с фронта через порты губернии, происходила конфискация земель и дач, принадлежащих столичной знати, решались вопросы труда заводских рабочих. Словом, жизнь кипела.

В Туапсе был созван первый губернский с'езд Советов (в марте 1918 г. Н. Я.), уже как действительный орган власти пролетариата. На этом с'езде мне быть не пришлось, так как я и еще двое товарищей были посланы в Москву на экстренный Всероссийский 4-й С'езд Советов, созванный для подписания Брест-Литовского договора. Вернувшись, узнал, что меня выбрали в ЦИК Черноморской губернии; пришлось уехать из Сочи в Новороссийск.

С приключениями доехал. Долго искал по городу ЦИК. Наконец, в одной из комнат бывшего губернаторского дома в маленькой комнатке застал народного комиссара финансов тов. Рубина. Он спокойно сидел и подписывал чеки—то были деньги, во множестве ходившие по городу и очень неохотно принимавшиеся населением из-за своей простоты: клочка белой бумаги. Оказалось, что все 7 членов ЦИК'а, избранные на с'езде, раз'ехались кто куда, только остался один Рубин.

Начал я ему помогать: занялся организацией аппарата губернской власти, кое-как сколотил. Хрипела машина, плохо двигалась. А тут несчастье—война на Кубани начиналась и почувствовали мы, что нельзя нам одним противостоять волнам контр-революции, поднимавшимся все выше.

Завязали связи с кубанскими большевиками. Они тоже были рады об'единению. В первых числах мая, перед самым от'ездом в Екатеринодар, Рубин спросил меня, как-же мы со своим ЦИК'ом порешили. Я в ответ предложил вывесить объявление на двери о том, чтобы обращались прямо в Екатеринодар, а в Новороссийске оставить Горсовет.

Так и сделали. На завтра были на заседании Кубанского ЦИК'а, где с места в карьер, пришлось решать вопрос о назревавшем конфликте с Автономовым. К вечеру выбрали президиум, председателем назначили Рубина, народным комиссаром (тогда ведь везде наркомы были), тов. Самарского, совнархозником тов. Волошина. Я пошел в штаб—заведывать политическим отделом, словом, черноморцы захватили власть, как заметил Балис. Так мы аннулировали черноморскую губернскую власть без лишних слов, об'единились для одной задачи—борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, в наиболее его отсталой области, зажиточной и хорошо вооруженной“.

В Новороссийске после взятия власти служащие правительственных учреждений объявили однодневную забастовку в знак протеста. Началась полоса саботажа.

Членам городской управы было предложено сдать полномочия, но дума заявила протест и настояла на плебисците. Совет согласился и организовал широкую агитационную кампанию на заводах и среди рабочего населения.

В плебисците принимали участие 14000 человек. Население высказалось за переизбрание городской думы, и на выборах победили большевики.

После перехода власти в руки Совета, перед угрозой со стороны наступившей с Кубани контр-революции сформировался из рабочих отряд Красной гвардии, был даже конный отряд, но в силу своей неорганизованности и недисциплинированности эти отряды вначале не представляли из себя серьезной военной силы.

Надо заметить, что в Новороссийске переворот произошел 1—14 декабря 1917 года, а в Екатеринодаре лишь 1—14 марта 1918 года и, таким образом, в течение 3-х месяцев Новороссийск был отрезан от Кубани и лишен продовольствия, которое оттуда получалось, находясь под угрозой со стороны Бардижа-Филимонова. Революционный Новороссийск сосредоточил главное внимание на борьбе с контр-революционным Екатеринодаром и на вопросах продовольствия, которые остро вставали в связи с тем, что через Новороссийск катилась с турецкого фронта демобилизованная Кавказская армия.

Тем не менее Советская власть на Черноморьи, по словам работников того времени, крепла не „по дням, а по часам“. Председателем исполнительного комитета был избран тов. Рубин, заведующим административным отделом Яковлев, военным комиссаром—Толмачев. Большинство новороссийских комиссаров состояло из большевиков, участвовали там и левые эсеры (Языков — комиссар юстиции) и беспартийные. Вначале в исполком входили даже меньшевики (Прохорович), эсеры и даже был один толстовец (Михайловский).

На первых порах меньшевики и эсеры пользовались полной свободой и в своих органах вели травлю против большевиков, но 14 марта „Черноморская мысль“ была закрыта.

Были в Новороссийске попытки к анархическим выступлениям, но анархисты были разоружены.

До взятия Екатеринодара много затруднений новой власти создал продовольственный вопрос. Не лучше обстояло дело и с финансами (Так, на просьбу тов. Рондо о деньгах для удовлетворения фронтового казачества, тов. Рубин ответил: „Власти много, а денег нет“).

С такой же легкостью, как создавались республики, разрешался и финансовый вопрос. В своих воспоминаниях бывший комиссар финансов тов. Митусов рассказывает об остроумной „эмиссии“.

„В Народном Банке находилось до 9000000 рублей, в купюрах краткосрочного и др. займов, на которых были неиспользованы купоны. Вот я и решил обрезать купоны, проштемпелевать и пустить в оборот, как мелькую кредитку, а купюры тоже пустить как полную номинальность. Таким образом, у меня увеличилась до некоторой степени, понятно, с этим получились и мелкие кредитки из купонов. Разработанный мною план был предоставлен на рассмотрение и утвержден Сов. Рабочих и Солдатских Депутатов, который заслушал мой доклад. Принимая во внимание, что финансовое положение в это время поправить иначе ни чем нельзя, кроме представленного мною плана, Совет утвердил его“. (Рукопись. Сев.-Кав. Истпарт).

Несмотря на активную поддержку рабочих, Новороссийские работники столкнулись с недостатком организаторских сил.

В июне 1917 года в Новороссийске был потоплен Черноморский флот, который прибыл туда 1 мая с красными флагами. К этому времени здесь скопилось 19 военных судов под командой адмирала Саблина; линейные корабли „Воля“, „Свободная Россия“, эскадренные миноносцы: „Дерзкий“, „Беспокойный“, „Пронзительный“, „Пылкий“, „Громкий“, „Поспешный“, „Керчь“, „Гаджи-бей“, „Калиакрия“, „Фидониси“, „Лейтенант Баранов“, „Лейтенант Шестаков“, миноносцы „Живой“, „Жаркий“, „Сметливый“, „Стремительный и б. румынский пассажирский пароход „Троян“.

Немцы, захватив Ростов, развивали одновременно наступление в Крыму, угрожая Новороссийску. Через некоторое время, по прибытии флота в Новороссийск, командующий флотом Саблин получил от главнокомандующего немецкими вооруженными силами на востоке Эйхгорна телеграмму с требованием возвращения судов в Севастополь, в противном случае Эйхгорн угрожал наступлением на Черноморское побережье. 10 июня Германия предъявила Совнаркому ультиматум о выводе к 19 июня флота из Новороссийска в Севастополь.

Еще ранее (2 июня) в Новороссийск прибыли из центра тов. Вахромеев и комиссар флота Глебов-Авилов. Флоту по радио было дано предписание из Москвы итти в Севастополь, а в шифровке—затопить флот в Новороссийске („Пролет. революц.“ № 6, 1925 г., стр. 161). Вопрос о потоплении флота стал предметом горячего обсуждения делегатских собраний матросов и Новороссийского Совета Народных Комиссаров.

Референдум, произведенный среди команд военных судов, решил: „флота не топить, пока ему не будет угрожать реальная непосредственная опасность“. И. о. командующего флотом Тихменов (в виду отъезда Саблина в Москву) занял неопределенную позицию. Не было единого мнения ни среди моряков, ни среди членов Новороссийского Совета Народных Комиссаров. По воспоминаниям Кукеля, 14-го июня на делегатском собрании появились представитель Кубано-Черноморской республики—Рубин и представитель от армии той же республики, какой-то разбойничьего вида субъект, увешанный револьверами. Рубин в пространной, почти часовой речи, пытался склонить собрание не исполнять распоряжение центральной Советской власти и не топить флота...

Возражали против потопления и рабочие. Так, собрание железнодорожников, по докладу Губернского, постановило: „Просить моряков воздержаться от потопления флота и оказать им поддержку в борьбе всеми силами, для чего произвести всеобщую мобилизацию трудового класса“.

Митинг на Соборной площади решил „защищать город и флот до последней возможности“ („Приморский Край“ № 30 от 15 июня 1918 года. Матер. С.-К. Истпарта).

17 июня истек срок ультиматума Германии о выводе судов в Севастополь. 16-го июня был произведен референдум команд. За поход в Севастополь высказалось, по словам Кукеля, более 500 голосов, за потопление судов около 450, высказалось за борьбу „до последнего снаряда“ около 100 человек (Кукель, стр. 162).

По словам лейтенанта Алексеева, на референдум были поставлены два вопроса:

1. „Итти в Севастополь“. 2. „Затопить флот“. 3. „Вопрос об обороне был поставлен еще ранее, в виду полной его неосуществимости. Подсчет голосов был на линейном корабле „Воля“ 16-го июня; после

полдня референдум дал следующие результаты 939 голосов за Севастополь и 640 затопить, остальные воздержались от голосования. На кораблях отдельно результат таков:

„Воля“—360—Севастополь,
140—топить.

„Свободная Россия“—350—Севастополь,
240—топить.

После референдума было объявлено положение второе и приказано готовиться к походу“. (Донесение ГЛАПОР'у. Материалы С.-К. Истпарта).

Несмотря на приказ командующего флотом Тихменеева, деморализации команд и разногласий среди новороссийских большевиков, все же удалось настоять на потоплении флота.

„На заседании Новороссийского Совета Народных Комиссаров,— пишет в своих воспоминаниях тов. Кузьмин,— посвященном исключительно вопросу о потоплении флота, на которое прибыли тов. Рубин, бывший в то время председателем Кубано-Черноморского Совнаркома, т. т. Авилов-Глебов и Вахромеев, сразу же заявили: несмотря на то, что тов. Рубин, ссылаясь на общий протест рабочих всего края, склонился к тому, чтобы флот не топить—вопрос решен в Москве, наше дело подчиниться и говорить лишь о том, как потопить флот. Заседание было настолько бурным, что доходило до того, как группа товарищей готова была организовать свою республику, а флот все-же не топить. В 3 часа ночи, я и тов. Шерстнев (левый эсер), были командированы на броненосец „Воля“—сообщить о состоявшемся постановлении о потоплении флота. В то время в кают-компании происходило не менее бурное собрание уполномоченных судовых команд и после моего заявления о состоявшемся постановлении о потоплении флота чуть не был выброшен за борт, так как многие матросы предупреждали, что флот топить они не будут, и кто попытается это сделать, то раньше флота потонет“. („Октябрь на Кубани и Черноморьи“, стр. 142).

Утром 17-го июня по сигналу командующего флотом вышли в море эскадренные миноносцы „Дерзкий“, „Поспешный“, „Беспокойный“, „Громкий“, „Живой“, „Жаркий“, линейный корабль „Воля“. Не подчинились приказу и остались в гавани: эскадрен. миноносцы „Керчь“, „Гаджи-бей“, „Фидониси“, „Калиакрия“, „Пронзительный“, „Лейтенант Шестаков“, „Капитан лейтенант Баранов“, „Смелый“, „Стремительный“, линейный корабль „Свободная Россия“ и другие суда.

Нашлись сторонники потопления флота и среди командного состава (командир миноносца „Керчь“ Кукель, командир эск. миноносца „Гаджи-бей“ лейтенант В. Алексеев, командир эск. миноносца— „Лейтенант Шестаков“ Анненский и другие).

Решающее значение имел приезд Ф. Ф. Раскольников, прибывшего в Новороссийск лишь утром 18-го июня, которому удалось склонить массы к потоплению оставшихся судов.

Описание потопления флота мы находим в донесении капитана транспорта „Ефрат“:

„18-го июня корабль „Свободная Россия“ вместо Андреевского флага поднял красный флаг. Миноносцы оставшиеся, тоже подняли красный флаг. В 6 часов утра миноносец „Лейтенант Шестаков“ воз-

вратился в бухту, опустил Андреевский флаг и поднял красный, подошел к миноносцу „Калиакрии“, который держал сигнал „не сдаюсь“, взял его на буксир за корму и вывел из бухты. Потом поставил его на якорь на внешнем рейде в полумиле от входа. Затем „Лейтенант Шестаков“ вывел из бухты и поставил на якорь миноносец „Гаджи-бей“, который через некоторое время, подняв пары, пошел в море самостоятельно. После полдня была выведена из бухты „Свободная Россия“, на буксире портового катера „Греза“ и тр. № 42 „Чиатура“. Около часу дня на миноносце „Калиакрии“ последовали два взрыва в средней части судна, после чего миноносец стал постепенно наполняться водой и садиться кормой и часа через два после взрыва вертикально кормой пошел на дно, выровнялся на киль, мачты его видны ниже сигнальных рейков. Следующий миноносец „Гаджи-бей“ затонул на форваторе на створе Цемесских знаков, приблизительно в пяти милях от бухты. Потом были подорваны и затонули два миноносца типа „Шестаков“ в луче белого дня Доабского маяка, приблизительно немного южнее 16-ти футов банки на глубине 15 саженей. Мачты их не видны из воды.

Миноносец „Фидониси“ был выведен из бухты, около 4-х часов вечера на буксире моторного катера и оставлен в $\frac{1}{4}$ мили от восточного мыса. Вышедшим вскоре за миноносцем „Фидониси“ миноносцем „Керчь“ была выпущена мина в левый борт „Фидониси“, который быстро стал крениться на левый борт и когда совершенно лег на борт, кормой пошел на дно. Мачт его не видно.

Около шести часов вечера корабль „Свободная Россия“ был затоплен приблизительно на параллели Доабского маяка в расстоянии $6\frac{1}{2}$ мили от бухты и в $1\frac{1}{2}$ мили от Доабского маяка. В „Свободную Россию“ было пущено 4 мины миноносцем „Керчь“ в переднюю часть правого борта. Мины пускались через каждые пять минут. От первой мины не было заметно погружения дредноута, от второй мины начал погружаться нос дредноута, от третьей мины дредноут стал крениться на правый борт, от четвертой мины дредноут перевернулся в верх килем и в таком положении медленно затонул, после чего миноносец „Керчь“ ушел в море, по направлению Туапсе, где и взорвавшись затонул, высадив всю команду на берег близ Туапсе. Последними около 8—9 часов вечера были взорваны и затоплены близ восточного мола два миноносца типа „Стремительный“, мачты одного из них видны из воды. После потопления военных судов Центральный Областной Комитет Водного Транспорта, совместно с местным Совдепом, стал настаивать на потоплении коммерческих пароходов и в первую очередь назначены были к потоплению пароходы союзных держав. Утром 20 июня в 5 часов начали выходить под своими парами пароходы союзников. Первый выше „Оксоюз“ № 43 и став к восточному берегу в одной миле от мола, открыл кинстоны и быстро затонул, все-таки мачты его видны. Вторым вышел „Эльбрус“, который также став на якорь, южнее „Оксоюза“ стал накачивать в трюм воду и к 6 часам вечера после взрыва в машинном отделении, затонул кормой к восточному берегу, мачты его видны. После полудня вышли „Сербия 110“, „Фредерика 101“ и „Женероза 26“, которые были подорваны внутри и затонули на протяжении восточного берега, по направлению к Пинальскому маяку. Мачты затопленных транспортов видны.

28-го июня, в день прихода в Новороссийск дредноута „Гебен“, был взорван в порту близ пристани Цементного завода транспорт „Траварней“. (Мат. С.-К. Истпарта).

Гибель „Свободной России“ описывает Кукель. (Цит. выше соч., стр. 170—1).

„Медленно поворачиваясь „Свободная Россия“ представляла из себя удручающую картину: лязг и звон (при полной окружающей тишине) падающих и переваливающихся на палубе и внутри корабля предметов, шлюпок, паровых котлов и т. д. Наиболее грандиозное впечатление произвело обстоятельство, что корабль переворачивался столь медленно, что было видно, как башни 12 дюймовых орудий целиком, со страшным шумом и лязгом вываливались в воду. От начала крена до полного переворачивания корабля прошло 3 мин. 42 сек. Из всех клинкетов и кингстонов все время били высокие фонтаны воды. Все потопление лин. „Свободная Россия“ продолжалось один час 20 м. Картина его гибели незабываема. Вся команда миноносца „Керчь“ стоит на верхней палубе и мрачно молча смотрит на переворачивающегося вверх килем гиганта“.

Миноносец „Керчь“ сыгравший исключительно важную роль в уничтожении флота, был затоплен 19-го июня в 4 часа 30 минут утра.

Сдавшиеся Германии суда перешли в руки союзников, служили Деникину и Врангелю, а затем были переданы Франции.

На 3-й день после потопления флота в Новороссийск прибыла германская эскадра во главе с „Гебенем“ и „Бреслау“. Между представителями Новороссийского Исполкома (Рубин и другие) и германскими представителями начались переговоры.

Об этих переговорах сообщает газета „Заря“ (от 1-го июля 1918 г, № 1):

„На вопрос адмирала о нахождении советского военного флота и о пребывании миноносца „Керчь“ представители совета заявили, что часть флота прибыла в Севастополь, остальная затоплена в море. Миноносец „Керчь“ ушел. По слухам он взорвался в Туапсе. 29 июня советская делегация задала ряд вопросов по поводу политических отношений между Германией и РСФСР. (Рос. Фед. Сов. Респ.). Относительно высадки германских войск в Тамани, Ростове и др. местах, адмирал дал приблизительно такой ответ: „В Тамани производилась стрельба по германским судам. Во время обстрела был убит австрийский офицер. На Ростовском фронте германские войска нигде не идут. Если были отдельные случаи столкновения, то не с советскими войсками, а с определенными бандами. Во внутреннюю жизнь советской России Германия не может вмешиваться. Кстати, почему ваши войска не разоружены, что должно быть проведено по Брест-Литовскому миру“. (Мат. С.-К. Истпарта).

Неоднократно посещал Новороссийск германско-турецкий флот, и порой дело доходило чуть не до стычек, однако, с немцами даже наладилась торговля: они покупали подсолнечное масло, нефть, керосин, бензин, зерно в обмен на обувь, мануфактуру и „николаевские“ деньги. Что касается промышленности, то цементные заводы были национализированы, но сбыта не было, точно так же, как и для вина, которое производилось в Черноморской губернии.

В Туапсе, где Советская власть возникла ранее официальной даты октября, на своем пути она встретила целый ряд препятствий: отсутствие указаний из центра, саботаж чиновников и т. д. К тому же контрреволюционная Кубань не пропускала продовольствия. Все продовольственные припасы в городе были взяты на учет, товары в мага-

зинах конфискованы, была введена карточная система, с прикреплением потребителей к определенным хлебопекарням и лавкам. Земли монастыря, расположенного близ Туапсе, Туапсинский Совет передал крестьянам. В городе был установлен строгий порядок, поддерживаемый патрулями. В правлении Черноморской железной дороги был установлен рабочий контроль, на завод Баратова и в порт назначены комиссары. В дальнейшем туапсинские большевики стали действовать более решительно. Был созван целый ряд съездов представителей сельских советов губернии и даже съезд учителей с целью реформы народного образования.

В Геленджике первый большевистский исполком точно также наткнулся на саботаж интеллигенции. При поддержке черноморского флота, исполком провел обложение контрибуцией буржуазии, реквизировал виноградные вина у лиц нетрудового элемента. На эти деньги была отремонтирована пристань, произведены другие работы и уплачено жалованье. Буржуазия была обезоружена и произведено вооружение рабочих.

В Сочи, где Советская власть просуществовала с 5 января по 15-е июля 1918 года, когда Сочи было занято грузинами, в апреле состоялся съезд советов, при чем в новый исполком вошло большинство крестьян. С конца мая началась война с Грузией, а 15 июля работники эвакуировались сначала в Туапсе, а затем в Майкоп.

Несмотря на все затруднения, стоявшие перед Советской властью в Ставропольской и Черноморской губерниях, несмотря на то, что в Советах заседали меньшевики, эсеры и даже „убежденные толстовцы“, первые шаги в Ставропольской и Черноморской губерниях были направлены к созидательной работе. При отсутствии указаний при саботаже интеллигенции и разлагающей работе меньшевиков и эсеров—рабочие и крестьяне проявили максимум революционной самостоятельности и, под руководством партии, нащупывали правильный путь. Крестьянство Ставропольской и Черноморской губ. целиком поддерживало власть „Советов Народных Комиссаров“. И здесь, и там Советская власть пала под давлением внешней силы: в Ставропольи под ударами казачества и Добровольческой армии, в Черноморской губернии—под ударами Добровольческой армии и грузинских меньшевиков. Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что крестьянство Ставропольской губернии совершенно сознательно признало гегемонию пролетариата и чуть не поголовно мобилизовалось на защиту Советской власти. Ту же смычку рабочего класса с крестьянством мы наблюдаем и в Черноморской губернии, где диктатура пролетариата опиралась на полную поддержку крестьянства (в Сочи, в Туапсе).

В неказачьих областях власть Совнаркома была установлена мирным путем, в казачьих областях пролетариату приходилось с боем расчищать путь к власти. Важнейшей предпосылкой к победе здесь послужил раскол казачества: благожелательный нейтралитет массы казачества на Кубани и активное участие в борьбе за Советскую власть фронтового казачества на Дону. В этой борьбе казахи верхи оказались генералами без армии. Главнейшей опорой контр-революции явилась Добровольческая армия. Иногородное население, а на Дону и крестьянство, целиком оказалось на стороне Советской власти.

Какой социальный сдвиг произошел в казачьих областях в первый период Советской власти? Масса казачества, сохранявшая благожелательно нейтралитет или активно участвовавшая в борьбе с генералами, с чуждыми хлебоборубу панам (вспомним, что донские казаки боролись под лозунгом: „Долой атаманов и офицеров, вся власть